

ДЕТКАДАНС

МАРИНА ТОМЕЯ

Марина Томея ДеТкаданс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72657217

SelfPub; 2025

Аннотация

Жизнь Маши, скромной девушки-программиста переворачивается с ног на голову после вечеринки друзей ее парня. Там она знакомится с необычной танцовщицей и загорается первой в жизни смелой идеей. Перед Машей встает сложный выбор: пойти навстречу своим желаниям или продолжать цепляться за стабильную реальность?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Томея

ДеТкаданс

– Маша, стой! Ремешок!

Алена крикнула изо всех сил, и я услышала ее.

Услышала, но не послушала.

Предисловие

Когда я только мечтала написать настоящую книгу, то представляла, что вдохновение буквально поведет меня за руку от первой до последней строчки. Предвкушала, как волна популярности и признания накроет меня с головой, а восторженные отзывы переполнят все интернет-площадки. «ДеТкаданс» – мой дебютный роман, и с высоты своих амбиций я рухнула, когда писала пятую главу. Оказалось, что творческий кризис – не просто словосочетание, да и вообще все это сочинительство в моем случае сопряжено с целой кучей нюансов: время, место, настроение, состояние.

Сколько раз я переписывала «Детку»? Три. Сколько раз хотела все бросить и «повесить перо на гвоздь»? Тридцать три. В итоге роман все же получился. Я признаю его неидеальным и не совсем таким, каким представляла изначально, зато он совершенно точно искренний, наполненный по-на-

стоящему прожитыми эмоциями и подлинными историями.

Глава 1

Я окинула содержимое шкафа придирчивым взглядом: надеть было совершенно нечего. Юбка гофре, купленная под давлением хамоватой продавщицы на вещевом рынке, зеленый брючный костюм – подарок бабушки на окончание университета, какие-то уже почти замшелые рубашки. У меня, как у многих других людей, на деревянных плечиках уныло болталась одежда, невостребованная в обычной жизни. Если быть откровенной, я в ней не нуждалась вовсе – никогда не любила наряжаться. Наверное, всему виной мое довольно плотное телосложение, которое, в сочетании с низким ростом, наградило меня неполным пятидесятым размером уже в пятнадцать лет. Сидеть на диетах в моей семье строго-настрого запрещалось, а привлекать внимание к тугим бокам и квадратной фигуре не хотелось. Так я и выросла – полная, но совершенно неприметная. Если бы не буйные рыжие кудри, вряд ли кто-нибудь когда-нибудь разглядел бы меня в людской «массовке». Впрочем, я слукавила. Два с половиной года назад, когда мне стукнуло двадцать пять, на местечковой конференции аййтишников меня разглядел Толя. Его не слишком волновали мои немодельные параметры, зато вдохновляли, как он говорил, общие интересы. Ну а я просто влюбилась. Так и начались наши отношения – для меня первые в жизни.

Морозным январским днем воздух рутины рассек торжественный повод – день рождения Артема Никитина, школьного друга Толи и по совместительству яркого представителя местной золотой молодежи. Его отец успешно закрепился в мире строительного бизнеса в противоречивые девяностые и заработал репутацию уважаемого человека в маленьком сибирском Н-ске. Поэтому именинная вечеринка, на которую нас с Толей приглашали ежегодно, требовала праздничного дресс-кода.

Меня очередное приглашение повеселиться в компании мажоров ничуть не обрадовало – с понятием «социальное неравенство» я была знакома с детства.

Я выросла без отца, под надзором двух строгих женщин – мамы и бабушки. Мы не бедствовали, но похвастаться одноклассникам приставкой Sony Playstation, розовым телефоном-раскладушкой или модным тряпьем я не могла. Это формировало определенное отношение сверстников ко мне и всем мне подобным. Кто-то тихо сочувствовал, кто-то откровенно насмехался. Каждая встреча с Артемом и его свитой возвращала мне это горькое ощущение собственного отличия. Однако Толю разница в толщине кошельков никогда не смущала – он совершенно искренне уверовал в мужскую дружбу. На шумных тусовках Н-ской элиты, которые мы (по-

чему-то) не могли пропустить, я спасалась легкими ни к чему не обязывающими разговорами с Настей – девушкой Артема. Двадцатитрехлетняя модель, единственная дочь богатых родителей, для меня была хоть и не лучшей, но чуть ли не единственной собеседницей, что наделяло ее присутствие в моей жизни особой важностью. Подруг к двадцати семи годам у меня не завелось, а трепаться на работе я не любила – мой интерес всецело принадлежал «железяке».

– Маша!

Я вздрогнула. Толя подкрался по-кошачьи, в своей излюбленной манере, и оказался прямо за моей спиной. С шумом выпустив воздух из легких, я медленно повернулась.

– Блин, кот, напугал!

Он ухмыльнулся и притянул меня к себе.

– За два года ты вроде как должна привыкнуть к моему перемещению по дому. Уже выбрала, в чем пойдешь? Я приложила тыльную сторону ладони ко лбу в почти театральном жесте.

– Не-а. Я давненько ничего себе не покупала, а повторяться в компании твоих друзей-аристократов – не комильфо.

Толя поцеловал меня в макушку и заметил:

– Маш, наших друзей-аристократов. Глупо спать под одним одеялом и делить при этом свое-мое, не находишь? А вот ситуацию нужно исправлять. Давай на следующей неделе в торговый центр съездим? Купим тебе красивое платье?

Меня передернуло, будто я схватилась за оголенный про-

вод. Я надевала платья так редко, что для подсчета всех этих эпизодов хватило бы пальцев одной руки. То есть не более пяти раз за двадцать семь с половиной лет. Замаскировав внутреннюю тревогу по-детски надутыми губами, я капризно протянула:

– Ну это на следующей неде-е-еле, а вечеринка уже через час.

Толя выпустил меня из объятий и мягко развернул за плечи обратно к открытому шкафу.

– Надень вот этот брючный костюм. Симпатично и вполне уместно.

Я открыла рот, чтобы как-нибудь достойно возразить, но хитрый бойфренд уже растворился в глубине нашей съемной двушки, насвистывая какой-то веселый мотив.

Обаяние и харизма Толи лишали меня разума. За все время отношений мы почти не ссорились всерьез – Толя всегда подавал свое мнение так, что я в кратчайшие сроки начинала принимать его за собственное. Любая попытка поспорить или возмутиться мгновенно разбивалась вдребезги об острую наглую улыбку или строгий, но чертовски притягательный взгляд серых глаз. Рядом с Толей я млела, таяла, будто находясь под воздействием мощного гипноза. Даже сама мысль о том, что этот мужчина – мой, доставляла мне невысказанное удовольствие. Наверняка кому-то наш союз казался нелепым, а кому-то – непонятным, но мне было решительно плевать. Анатолий Смирнягин, подающий надежды

IT-разработчик тридцати трех лет, жил со мной под одной крышей, возил меня на работу, защищал и учил всем тонкостям настоящей взрослой жизни.

Я считала себя абсолютно счастливой женщиной, еще не зная, что идиллическую картинку моей реальности испортит Артем Никитин, который взял и родился мальчиком прямо в Татьянин день.

* * *

Толя галантно открыл передо мной дверь ресторана. Я попыталась придать лицу гордое царственное выражение, но со стороны наверняка больше напоминала всем известную Марфушеньку-душеньку. Неумело сделанный макияж и неуместная гримаса приблизили меня к героине из сказки «Морозко», но никак не к девушкам из высшего общества. Я заметила, как симпатичная хостес, наблюдавшая картину моего не слишком эффектного появления, старательно спрятавала улыбку.

– Добрый вечер! Представьтесь, пожалуйста.

Пока я нервничала и вспоминала свою фамилию, Толя ловко вышел на передний план, слегка оттеснив меня плечом. Другими словами – дал понять, что именно он привел меня в эту цитадель роскоши. Не наоборот.

– Анатолий Смирнягин, Мария Степанова.

Девушка кивнула, отмечая нас в списке.

– Артем Олегович ожидает вас в банкетном зале. Верхнюю одежду необходимо оставить в гардеробе. Желаю вам приятного отдыха.

От заученных фраз и искусственно доброжелательного тона сводило скулы. Я настолько не привыкла к фальши, что не переносила ее на физическом уровне.

То ли дело наш честный офис – руководитель отдела кадров Инесса Вячеславовна знала наверняка, что в любом из кабинетов ее называют Пекинесса Ававовна, и ничего с этим не делала.

Огромное зеркало у гардероба, в котором мы оставили куртки, отразило высокого красавчика в кашемировом джемпере цвета мальдивского песка, черных брюках и блестящих кожаными носами ботинках. Рядом с ним, ссутулившись, стояла низкорослая полная дева в антитрендовом брючном костюме, расшитом тонкими блестящими нитями, и уггах. УГГАХ?

Мне захотелось разрыдаться. В спешке я затолкала ноги в любимые, но такие неподходящие случаю современные валенки, а Толя этого попросту не заметил.

– Кот, это фиаско. Ты посмотри. – Я ткнула пальцем в сереющую на белоснежном мраморном полу обувь.

Толя цокнул и покачал головой.

– Блин. Ну, может, в темноте будет незаметно?

Я закатила глаза.

– Ага. Местному бомонду и незаметно? Слушай, давай я

на такси домой и обратно, а ты пока развлекайся.

– Маш, да плевать всем на твою обувь. Вот смотри. – Толя присел на корточки и аккуратно расправил над несчастными уггами расклешенные брючины. – Да будто так и надо! Тем более ты все равно будешь за столом.

Я вздохнула и согласилась. Как, впрочем, и всегда.

В банкетный зал мы вошли в разгар какого-то феерического действия. На сцене, утопающей в свете, возвышался шест, а вокруг него извивалась девушка в чересчур облегающем синем комбинезоне и странных туфлях на высоченных каблуках. На минуту мне показалось, что она ненастоящая – настолько кукольной была ее внешность. Тонкая талия, бесконечные ноги, длинные светлые волосы – ожившая Барби танцевала в честь прожившего еще один год Никитина. Ее движения были грациозными и легкими, будто ни она сама, ни эти огромные туфли ничего не весили.

– Пойдем, ты чего залипла? – Толя неприятно сжал мои пальцы.

Я не заметила, что остановилась прямо посреди прохода, откровенно пялясь на танцовщицу.

– Впечатлилась. Девушка очень красивая и двигается просто фантастически!

Толя подарил мне взгляд, полный незнакомой и непривычной злобы.

– Хрень собачья, как будто на стриптиз пришли, а не на день рождения к сыну бизнесмена.

В мою голову тихо поскреблась шутка, что второе не исключает первого, но внезапно изменившееся настроение моего парня не слишком располагало к юмору. Я поджала губы и поплелась за Толей.

Пафосные золотые таблички с нашими фамилиями обнаружили на столике под номером двадцать один.

– О, боги! В этот раз Никитин вообще весь город решил позвать? Если наш двадцать первый, то сколько их всего? – Я села и постаралась как можно скорее спрятать ноги в пространстве под столом. Толя, проигнорировавший мои раздраженные наблюдения, вертел головой по сторонам, ища кого-то в пестром людском пятне. – Кот, прием! Ты тоже можешь сесть, мне хватило одного стула.

Наконец взгляд Толи сфокусировался на мне, а губы растянулись в улыбке.

– Ну какая же ты у меня дурочка. Слушай, я нигде не увидел Артема. Составишь компанию в поисках? Мы ведь до сих пор его не поздравили.

Я замахала руками, чтобы мой отказ казался более убедительным.

– Спасибо, любимый, но мы с уггами побудем здесь. Не думаю, что Артема ранит мое отсутствие. Чуть позже, когда все опьянеют достаточно, чтобы не замечать моего маленького позора, поищу Настю.

Толя хихикнул и смешался с толпой. Словно из-под земли рядом со мной тут же вырос официант с большим круглым

подносом.

– Шампанское? Закуски?

Едва я кивнула, как на столе очутились крошечная тарелка с канапе и высокий бокал Луи Родерер. Поблагодарить не получилось – официант испарился также быстро, как и появился. Отправив в рот дуэт моцареллы и томата черри, я принялась с интересом разглядывать окружающих. Меньше всего данное мероприятие было похоже на день рождения простого смертного. Скорее на вечеринку журнала GQ или корпоратив каких-нибудь нефтяных магнатов – такую концентрацию лоска и достатка я не видела ни на одной тусовке Никитина. Все гости выглядели так, словно с минуты на минуту им предстояло сниматься для обложки – роскошно, эффектно, вылизанно. Вряд ли список приглашенных ограничился жителями маленького Н-ска – обладатели более надменного выражения лица были явными чужаками на сибирской земле. «Наши» хотя бы умели улыбаться.

В шоу-программе зазияла дыра перерыва – какофония из шума, голосов и музыки начала отзываться в голове тупой болью. Я потянулась к бокалу в надежде, что алкоголь хоть немного облегчит мое состояние. Поклонницей спиртного я никогда не была, но дискомфорт от происходящего взял верх. Седьмой по счету глоток прохладной сладковатой жидкости принес мыслям спасительную легкость. Я, наконец, решила покинуть свое убежище, чтобы найти Толю и ребят, однако шампанское добавило очков к моей природной неук-

люжести: встав со стула, я почти сбила девушку, проходящую мимо.

– Эй, осторожнее!

Недовольный голос принадлежал высокой блондинке, которая недавно покоряла всех присутствующих танцем. Чтобы не упираться носом ей в грудь, я сделала два небольших шага назад.

– Прошу прощения, я такая неловкая. Надеюсь, все в порядке?

Девушка фыркнула и окинула меня ледяным взглядом. – Тебе повезло не наступить мне на ногу. Мои туфли наверняка стоят дороже, чем весь твой шикарный аутфит.

Я машинально опустила глаза. Грубиянка была обута в элегантные серебристые лодочки на небольшой шпильке. Даже без высоченных каблучков, на которых она порхала по сцене, ее рост впечатлял. На принятие решения у меня оставалось примерно полсекунды – это даже меньше, чем у пилотов, и я отразила удар самым неожиданным образом:

– Знаете, вы просто великолепно танцевали! Никогда прежде не видела ничего подобного. Не подскажите, как называется это направление?

В прозрачно-голубых глазах незнакомки зажглись огоньки интереса. Очевидно, я выбрала правильную тактику – неприкрыто льстить.

– Ты что, в пещере жила? Это называется экзотик пол дэнс. Танцы с пилоном.

Я прокрутила в памяти детали выступления и сделала очевидный вывод:

– Пилон – это шест?

Девушка слегка толкнула меня в плечо, чтобы я переместилась из центра прохода ближе к столу, и язвительно процедила:

– Пилон – это пилон. Шесты у стриптизерш, а экзот – это искусство. И напомни мне, наконец, кто ты? Чужих здесь быть не должно, но я начала сомневаться.

Хамство и бесцеремонность начали утомлять, а эффект от спиртного постепенно улетучиваться. Я расправила плечи и задрала подбородок, чтобы казаться немного выше.

– Меня зовут Маша. Я девушка Толи Смирнягина, близкого друга Артема. А вы?

На мгновение мне показалось, что моя случайная собеседница побледнела под слоем косметики. Но умение владеть эмоциями, очевидно, было одной из ее многочисленных суперспособностей.

– Алена. Я несколько лет прожила в Москве, совсем недавно вернулась. Наверное, поэтому не в курсе, что наша дружная компания пополнилась новыми лицами. Рада знакомству. – В подтверждение своих слов Алена протянула мне изящную узкую ладонь с тонкими пальцами.

Что-то в этой резкой перемене поведения меня смутило, но времени на оценку ситуации не было, и я пожала руку девушки в ответ.

– Взаимно. Началось оно, можно сказать, сногшибательно.

Алена рассмеялась, обнажив два ряда идеально ровных, почти светящихся от белизны зубов. Я вдруг почувствовала себя самой уродливой и глупой. Если не в мире, то в зале этого вычурного ресторана – точно. Уязвленное самолюбие полыхало где-то в области солнечного сплетения, будто новая знакомая смеялась не над моей шуткой, а надо мной, моим лишним весом, внешностью, волосами и немодным нарядом. Наверное, эти мысли как-то отразились на моем лице, потому что Алена внезапно добродушно предложила:

– Слушай, может, сядем? Я все равно забыла, куда шла. Выпьем по бокальчику за знакомство, поболтаем. Сейчас по программе фокусник, будет не так шумно.

Не дожидаясь моего согласия, Алена изящно присела на предназначенный для Толи стул и вскинула руку, подзывая официанта. Он подошел практически сразу, но гламурная блонда все равно недовольно скривилась.

– Почему так долго? Заново учился ходить? Принеси пару бокалов шампанского и клубнику.

Я немного помедлила, но все же села. Ноги в проклятых уггах начинали неприятно ныть и преть, а давящая на живот пуговица брюк по ощущениям уже проделала в нем сквозное отверстие. Больше всего на свете мне хотелось оказаться дома. В пижаме, объятиях Толи и тишине. Я предположила, что несостоявшаяся москвичка может засыпать меня

неудобными вопросами в попытке выяснить, как в компанию Никитина попала белая, а точнее – рыжая ворона, поэтому быстро перехватила инициативу.

– Расскажешь про этот экзотик дэнс? Честно признаться, я с детства мечтала танцевать, но все время уходило на учебу. Да и с фигурой не слишком повезло.

Алена дернула губой, будто я сказала несусветную глупость, и ответила, ощутиمو повысив тон:

– Запомни. Тело может быть любым. В танцах важно лишь то, насколько умело ты им пользуешься. Я знаю парочку классных танцовщиц размера плюс, так не каждая «иксэска» способна с ними потягаться.

– Танцовщиц экзота? – Я недоверчиво нахмурилась. Воображение тут же нарисовало картину с красной от натуги толстухой, карабкающейся на пилон.

– Представь себе.

Алена с торжествующим видом кивнула. Мои ощущения смешались: я испытывала физический и психологический дискомфорт, находясь на этой вечеринке, но вместе с тем будто получила пригласительный билет на исполнение собственной детской мечты.

– Я тоже так хочу!

Очевидно, моя фраза прозвучала слишком громко и отчаянно. Некоторые гости за соседними столиками обернулись и прилипли ко мне заинтересованными взглядами. Алена расхохоталась и захлопала.

– Это же просто отлично. Желание порождает действие. Могу записать тебя в школу, скоро буду там преподавать. Называется «Поллукс». Придешь?

Я сделала глубокий восторженный вдох, но согласие так и не успело сорваться с языка.

– Это место занято.

На мое плечо опустилась тяжелая Толина рука. Я подняла голову – укоризненный взгляд и замечание, разумеется, были адресованы не мне.

– Здравствуй, Толик. – Алена широко улыбнулась.

Я незаметно ущипнула себя за запястье, чтобы отвлечься от мыслей, которые стали собираться в огромный тугой ком.

– Это. Место. Занято. – Невзирая на правила приличия, Толя сухо повторил сказанное, делая акцент на каждом слове.

Алена поднималась из-за стола мучительно медленно, подчеркивая этим каждый изгиб, обтянутый синей тканью.

– Что ж, я услышала. Жаль, конечно, вот так обрывать беседу с твоей девушкой. Мне показалось, мы с ней могли бы стать добрыми подругами. К тому же она тоже хочет научиться танцевать. А я могла бы ей в этом помочь.

– Она ничего не хочет. Ты можешь идти к друзьям – тебя наверняка заждались.

Ситуация напоминала съемки низкопробного сериала, самой бездарной актрисой в котором была я. Все выглядело так, словно главный герой от безысходности спорил с второ-

степенным персонажем, пока его нерадивая партнерша, забывшая свои реплики, прикидывалась декорацией.

– Надеюсь, меня по-прежнему видно, – я робко напомнила о своем присутствии.

Меня жутко задело то, что Толя в очередной раз распорядился моей волей, но бесконечно влюбленное в него сердце нашло оправдания: он явно знаком с Аленой, ему виднее, да и вообще, Маша, вспомни, как эта девица унижала тебя всего каких-то полчаса назад.

– Видно. Нам пора, пойдем. – Снова железный тон, не предполагающий компромиссов.

В моей голове царил бардак из десятков разных «почему». Почему нам пора? Почему Толя так себя повел? Почему Алена смотрела на меня с сожалением, словно понимала, что я чувствую? И почему, черт возьми, на вечеринке самых состоятельных людей Н-ска я не съела ничего, кроме пары гребаных канапе?

Толя властно взял мою руку и потянул к себе. Так пристыженные родители обычно утаскивают с площадки нашкодивших детей. Я встала, нарочито громко отодвинув стул, выдернула руку и выразительно посмотрела на Толю.

– О'кей, вызывай такси.

– Уже.

Он отбивался не менее колючим взглядом.

– В таком случае я с вами прощаюсь.

Будто с чувством выполненного долга, Алена кивнула

нам, развернулась на каблуках и направилась в сторону бара, эффектно покачивая бедрами. Все в ней было танцем. Даже ее походка. Я снова засмотрелась, утрачивая связь с происходящим. Толя, перехвативший мой взгляд, резко наклонился ко мне и злобно прошипел:

– Даже не вздумай с ней общаться. Ты поняла меня?

В такси мы ехали молча. Хотя я не сомневалась: нам обоим было что сказать. Толя неотрывно смотрел в окно, словно видел город впервые, а я механически листала меню телефона. Эта дурацкая привычка выручала меня довольно часто. Когда я не знала, чем заполнить неловкую паузу, я доставала свой «Самсунг» и сосредоточенно водила пальцем по экрану, бесконечно гоня разноцветные иконки.

Ком тревожных мыслей, приставших ко мне этим странным вечером, разрастался, угрожая обрушиться лавиной под названием «Маша, какого хрена?». Оказавшись в ситуации, где обсуждали меня, я растерялась. Не смогла защититься ничем, кроме язвительной фразы. На хамство отреагировала восторженной одой, а на приказ удалиться с вечеринки – согласием. Обиднее всего было то, что я даже не поздоровалась с Настей и Артемом.

Дома я с облегчением избавилась от неудобной одежды и поспешила набрать ванну с ароматной морской солью. Хотелось успокоить ум и расслабить тело. Вся эта затея с посещением бала богачей в очередной раз стала провальной. Мне всегда казалось, что какой бы крепкой и долгой ни была

дружба Толи и Артема, рано или поздно ей суждено лопнуть под гнетом чьей-нибудь критики. Не проведя в ресторане и двух часов, я ощутила во взглядах, обращенных к нашей паре, что-то похожее на презрение.

Однажды Толя рассказал, что старший Никитин избегал прилюдных рукопожатий с ним. Для меня это было серьезным показателем, для Толи – просто странностью. Он объяснял это возрастом, чрезмерной занятостью или чем-нибудь еще. Не было никакого смысла рассыпаться в доказательствах, что нас никогда не считали равней, – Смирнягин привычно отшучивался бы, переводил тему, но ни за что не допустил бы моей правоты.

Я пролежала в ванне почти полчаса и уговорила себя вылезти только тогда, когда вода остыла. Выходить из своего убежища не хотелось – меня наверняка ожидал разбор полетов. Я обернулась большим пушистым полотенцем, почти беззвучно открыла дверь и попыталась прошмыгнуть в спальню незамеченной.

– Стоять. – Толя сгреб меня в охапку двумя руками и крепко прижал к себе. Этот трюк всегда срабатывал: Толя знал, что я была в заложницах у любви. Я по привычке обмякла, даже не пытаясь сопротивляться этим прикосновениям, и прислушалась. Его сердце билось спокойно, размеренно. Мое же трепетало, как птица, запутавшаяся в сетях. – Не дуешься?

Я задрала голову и вздрогнула от холода мокрых волос. –

Бр-р. Не дююсь, но обсудить не против. Только надену пижаму и высушу волосы.

– Тогда на кухне через пятнадцать минут?

– На кухне через пятнадцать минут.

– Целуй.

Он вытянул губы в трубочку, и я с готовностью прижалась к ним своими губами. Вот так просто и безоговорочно моя гордость в очередной раз пала жертвой дьявольского очарования Анатолия Смирнягина. Хотя на самом деле я дулась, и даже очень. В глубине души мне хотелось кричать, топтать ногами, возможно, даже закатить истерику. Но я не могла позволить себе исполнить эту простую девичью прихоть. В родительском доме она непременно расценилась бы как неуважение к старшим и банальная неблагодарность, а в этом доме – как отсутствие женской мудрости. По большому счету негативные эмоции, которые я испытывала, как и любой другой человек, никогда не получали выхода. Никакого.

Мне не с кем было секретничать, делиться своими переживаниями, у меня не было хобби, которое могло помочь выплеснуть наружу все, что накопилось. Если бы я решила пойти на какое-нибудь шоу вроде «Перезагрузки», то моя видеовизитка была бы до безобразия скучной: *«Привет, я Маша Степанова. Мне двадцать семь лет. Я все еще не замужем, у меня нет детей, подруг и собственного мнения, зато есть лишний вес и неуверенность в себе. Та-дам».*

В спальню пробрались ароматы поджаренного хлеба и

плавящегося сыра, во рту завязалась слюна: Толя что-то готовил. Мой желудок мгновенно отозвался грустным урчанием. Я натянула первую попавшуюся пижаму, обернула так и не высушенные волосы полотенцем и, подгоняемая аппетитом, поторопилась на кухню. На столе уже дымились тарелки с горячими сэндвичами.

– Любимый, ты чудо! Просто умираю с голоду.

Я настолько торопилась сесть, что чуть не уронила стул. Толя ухмыльнулся.

– Понимаю, тоже не успел ничего попробовать. Кажется, организаторы слишком затянули с шоу-программой.

– Кстати, напомни, почему мы не остались? – я постаралась задать волнующий меня вопрос как можно более нейтрально.

– Потому что. Не хотел, чтобы ты общалась с неправильными людьми.

Я резко ссутулилась, словно пыталась уменьшиться в размерах.

– Кот, вся шайка Никитина для меня – неправильные люди, и я говорила об этом десятки раз. Ты просто мог не брать меня с собой, я и слова не сказала бы.

– Малышка, ни Артем, ни его окружение не несут никакой угрозы. В отличие от этой напыщенной курицы.

Серые глаза Толи будто покрылись льдом. От этого взгляда, холодного и чужого, стало не по себе. Я вооружилась ножом и вилкой и начала нервно пилить свой сэндвич на ку-

сочки.

– Ты про Алену? Она не показалась мне плохим человеком.

– Она им является. Ешь руками.

Я тут же отложила приборы. Кажется, мне не потребовалось даже секунды – настолько я привыкла жить по его правилам. И в этот момент меня оглушило. Что, если все это время я была не любимой девушкой, а всего лишь марионеткой в руках безумного кукловода?

Когда я безоговорочно следовала указаниям родителей, это не казалось мне неправильным и ненормальным – у зависимой от взрослых и совершенно несамостоятельной единицы просто не было другого выбора. Но тут мужчина, который даже не был законным мужем, решал, чем мне заниматься, с кем общаться и как именно есть жареный хлеб.

Остаток вечера окончательно расклеился и напомнил старую потрепанную книжку – мы с Толей почти не разговаривали, словно из наших диалогов кто-то повырывал страницы. А ночью мне снились сцена, софиты и... пилон. Удивительно, как благодаря случайному знакомству я попала в жесткую эмоциональную мясорубку – все старые душевные раны в момент вскрылись и закровоточили. Невысказанные обиды, тревожные мысли, несбывшиеся мечты – все это резко переполнило меня, переливаясь через край. Двадцать пятого января две тысячи двадцать третьего года я поняла одно – как раньше уже не будет.

Глава 2

«Давай вечером умрем весело – поиграем в декаданс» – из гостиной громко доносилась заунывная песня «Агаты Кристи».

– Твою мать...

Я выругалась и накрылась одеялом с головой. Смирнягин мне мстил. Не совсем понятно, за что именно, но в нашем маленьком мирке все было просто: не поцеловал с утра – равно злился. Он раньше уже проворачивал подобный фокус. Первый раз, когда я предрекла проигрыш его любимого «Спартака», и второй, когда сказала, что его новое приложение нуждается в доработке.

Минорные аккорды зазвучали громче. Я откинула одеяло и схватила с прикроватной тумбы телефон. На дисплее отображалось время: семь десять. «Агата Кристи» предлагала умереть вечером, но мне и соседям наверняка захотелось сделать это прямо с утра. Внезапно в моей голове возник словесный каламбур, заставивший меня вскочить с кровати.

– Деткаданс!

Я не была уверена, означало ли слово «данс» танец на каком-либо языке этого мира, но на языке моего сердца – точно да. Танцуй, детка. Детка, данс!

Босая я засемила по холодному ламинату. Неуклюже, неуверенно, смешно – будто пробовала движения на вкус.

Даже бесконечная тоскливая песня перестала раздражать. Пытаясь поймать ее ритм, я кружилась на маленьком клочке пола и улыбалась.

Мне всегда было интересно – как именно рождается танец? Как танцоры сплетают между собой десятки разных линий, превращая их в целый сюжет? Это казалось волшебством. На школьных праздниках я смотрела на танцующих с неопишуемым восторгом, по-доброму завидуя. Мне не досталось никаких творческих способностей: я не пела, не рисовала, не писала стихи и не дружила с рукоделием. Склад моего ума был совсем иным – я с удовольствием решала сложные примеры и обожала уроки информатики. Мама обреченно вздыхала, узнавая о четверках по неинтересным для меня предметам: «Ты вся в отца – технарь технарем».

Впрочем, это все, что мне рассказали о папе. Он наверняка где-то был, может быть, даже в Н-ске. Может быть, видел меня на остановке или в парке и точно знал, что я – его дочь. Наверное, над его головой также бесновались рыжие кудри, а лицо украшали частые солнечные веснушки. Мама и бабушка, обладательницы тяжелых русых волос, только разводили руками: у них словно росла родная сестра того самого Антошки.

Дверь в спальню открылась слишком неожиданно.

– Ты чего?

Толя застал меня, когда я кривлялась в танце перед зеркалом, встроенным в большой шкаф-купе. Мне стало жутко

стыдно. Будто меня застали за чем-то запрещенным и позорным. Я прочистила горло и ответила:

– Ничего, просто делаю зарядку.

Толя раздраженно дернул щекой.

– С каких пор? Собирайся, скоро выходим.

Настроение ушло в минус, хотя день даже не успел толком начаться. В моих первых и единственных романтических отношениях натянулась тонкая струна взаимного непонимания. Иногда от скуки я серфила по женским форумам – там охотно дискутировали «ветеранши» семейной жизни. Непонимание было довольно частой причиной разводов и расставаний. Меньше всего мне бы хотелось выходить из режима read only и делиться тем, как именно это случилось у меня, но страх, что отношения испортятся, уже занял укромный уголок сознания.

Синий «Форд-Мондео» урчал возле подъезда. Я забралась на переднее сиденье. В салоне было тепло, уютно и пахло чем-то мне незнакомым. Это показалось отличным поводом для разрядки чересчур напряженной обстановки.

– М-м-м, как вкусно пахнет. Что это? – Я попала в цель.

Взгляд Толи смягчился, а губы тронула легкая улыбка.

– Новая «вонючка». Жасмин, бергамот. Нравится?

– О-очень.

Цветочная сладость и цитрусовая свежесть бергамота переплетались в умиротворяющую гармонию, заполняющую все пространство. Толя всегда с особым трепетом подбирал

ароматизаторы – считал, что атмосфера в автомобиле важна так же, как и в доме.

«Форд» плавно тронулся с места и покатил по сонным улицам города. Я устроилась поудобнее и принялась наблюдать за зимним утром. За стеклом, разрисованным морозными узорами, темнело чернильное полотно январского неба. По заснеженным тротуарам топали заспанные школьники. Старушка в забавной чебурашковой шубе кидала кусочки хлеба нахохлившимся голубям возле автобусной остановки. Мужчина с кожаным портфелем шел почти вприпрыжку, пряча нос в мохнатый шарф. Во всем этом было так много правды. Утром никто и не думал притворяться, все были настоящими: недовольными или замерзшими, счастливыми, несмотря ни на что, или удрученными. Днем все занимали свои места и становились обычными, дежурными версиями себя.

– Приехали, принцесса.

Голос Толи ворвался в мою голову без стука, нарушив спокойный поток мыслей. Я сделала глубокий вдох, посчитала про себя до десяти, повернулась и почти выплюнула свою собственную утреннюю правду:

– Я хочу танцевать. Экзотик пол дэнс. Как Алена.

Прошло сколько-то минут. Или часов. Может, даже дней – настолько безобразно исказилось время. Толя молчал, и это молчание было густым, плотным, осязаемым. Казалось, в него можно упереться руками, как в кирпичную стену.

– Маш, а не пора бы тебе пойти на работу?

Я почувствовала, как учащенно заколотилось сердце, а к горлу подступила горькая нервная тошнота. Все, что я получила взамен на свою искренность, – это информация о том, что мне пора. Бинго. Я знала, что Толя терпеть не мог, когда кто-то хлопал дверью его машины. Выйдя на улицу, я долбанула дверью так, словно от результата этого действия зависела моя жизнь. Так выглядел мой гнев. Оказывается, эта опция всегда была мне доступна.

К счастью, мне повезло с местом работы. Когда я, красная и растрепанная, залетела в офис с десятиминутным опозданием, никто и слова не сказал, а через час дверь «айтишной» и вовсе кто-то украсил самодельной табличкой «Осторожно! Злой сисадмин».

К обеденному перерыву буря моих эмоций утихла, но всего лишь на десятую часть. Есть совершенно не хотелось, хотя мой аппетит всегда был нескромным. Я налила крепкий кофе и достала из кармана джинсов телефон. Сообщений от Толи не было. Обычно мы перебрасывались мемами и короткими фразочками вроде «скучаю». Я решила сделать первый шаг к перемирию и отправила красное сердце. Наверное, Толе нужно было время. Я ведь призналась ему, что хочу танцевать – то, что он обозвал не иначе как собачьей хренью. Вряд ли это легко было переварить, принять и тем более – допустить. В ожидании ответного сообщения я забрела в поисковик и вбила в строку запроса «видео exotic pole dance».

От увиденного моя кожа покрылась мурашками. В любом из роликов творилось что-то невероятное: девушки не просто грациозно танцевали вокруг пилона, но и выполняли сумасшедшие трюки на высоте, которая мне казалась критической.

Видимо, Алена выступала с весьма скромной хореографией – просто кокетничала с публикой, жонглируя своим мастерством и красотой. Она наверняка сумела приковать к себе внимание каждого человека в зале, особенно – мое. Один Толя, как озлобленный моралист, кривился и брызгал ядом.

Возможно, мне стоило радоваться такой реакции своего мужчины на более чем привлекательную женщину, но я насторожилась. Обесценивание чужого выбора было довольно низким поступком. Мне нечасто приходилось сталкиваться с Толиной теневой стороной. Не считая того что он был ярким любителем прогнуть меня тяжестью своего авторитета, пусть и неочевидно, его характер не казался мне невыносимым. Хорошее чувство юмора, интеллект, крепкий внутренний стержень – плюсов было больше. Вся эта ситуация с Аленой стала нештатной, выходящей из ряда вон, и мы оба не были к ней готовы.

Время шло, телефон упрямо молчал. Я даже проверила, в рабочем ли состоянии сим-карта и интернет. К моему полному разочарованию, все было в порядке, просто Толя не хотел и не собирался мне отвечать.

Я вышла из офиса в семнадцать ноль пять, как всегда. Бле-

стоящий глянцевыми синими боками «Форд» стоял на привычном месте, как верный пес. Несмотря на разногласия, Смирнягин, конечно, не мог оставить меня наедине с гололедицей и сибирскими морозами. Я села в машину с улыбкой, но каменное выражение лица Толи быстро лишило меня желания улыбаться.

– Кот, может, хватит? – Я сложила руки в умоляющем жесте.

– Хватит что? Защищать тебя от извращенных тенденций современности? Ограждать от идиотов? Беспокоиться о тебе? Что именно «хватит», Маша? – он разошелся не на шутку.

– Разве я сделала что-то плохое? Просто сказала, что хочу танцевать.

– На шесте, Маша! Танцевать на шесте! Это же просто позор!

Я вспомнила и повторила возмущенную реплику Алены почти дословно:

– Шест у стриптизерш, а это – пилон.

Толя раздраженно ударил ладонью по рулю.

– Уже изучила, да? Подготовилась?!

Диалог разваливался. Я не знала, что говорить, а Толя как раз не хотел ничего слышать.

– Отвезу тебя домой.

Он произнес это неожиданно спокойно и медленно вырулил с парковки бизнес-центра. Я подняла на Толю испуган-

ные глаза.

– В смысле? А ты?

– Проветрюсь.

Это слово повисло в воздухе, как дурацкая праздничная растяжка. В популярных голливудских фильмах ожидаемым итогом подобных «проветриваний» были бары, несметное количество алкоголя и пробуждение с очаровательной незнакомкой. В худшем из случаев – в Лас-Вегасе. Я с силой уперла язык в небо: еще в детстве мама рассказала, что так можно сдерживать слезы, когда невыносимо хочется расплакаться.

По дороге домой украдкой разглядывала Толю. Он казался мне как никогда красивым – греческий профиль, идеальная линия скул, выразительно очерченные губы. Имела ли я, обладательница куда менее привлекательной внешности, право с ним спорить? Да и вообще – многим ли везет на третьем десятке так, как повезло мне? У Толи не было вредных привычек, он неплохо зарабатывал, и даже его «Форд» был куплен не в кредит. Толя часто говорил о нашем совместном будущем: как возьмем жилье в ипотеку, слетаем куда-нибудь кроме Турции, как я обязательно научусь водить, чтобы возить детей в садик и секции. Он ни разу не обещал на мне жениться, но в глубине душе я была уверена, что это обязательно случится, и ждала заветное кольцо на каждый подходящий праздник. Возможно, я получила бы предложение руки и сердца на грядущий День всех влюбленных, но в гладкую поверхность моей жизни внезапно воткнулся пилон.

Мне безумно хотелось на нем закрутиться. Никакие другие танцы меня больше не интересовали.

* * *

Я слонялась по квартире, периодически занимаясь всякой ерундой: протирала стол, выглядывала в окно, перекладывала вещи на полках. Толя не возвращался, не отвечал на сообщения, не брал трубку. Я подождала до десяти часов вечера, потом до одиннадцати. Без пятнадцати двенадцать я накинулась на булочки с абрикосовой начинкой – старалась заглушить стресс. В двенадцать, сгорая от стыда, дрожащей рукой набрала номер Никитина.

– Машка, привет. – Артем был бодрым и жизнерадостным, на фоне гремела музыка. Даже интересно, огорчало ли его что-либо всерьез?

– Привет. Толя не с тобой?

Артем рассмеялся.

– Не-а. Мы с Настей ночью улетели в Таиланд, сразу после вечеринки. Теперь вот тусим здесь – надоело жопы морозить. Что-то случилось?

Я дала отбой. Один из двух возможных вариантов был исключен. Ругая себя последними словами за чудовищную невоспитанность, написала сообщение Толиной маме. Ответ пришел на удивление быстро для полуночи: «Не у нас, Машенька». Вряд ли женщина благородного возраста и без-

упречных манер стала бы врать мне, строчащей ей на телефон в такое время.

Теперь исключены были оба варианта, и я разревелась от бессилия. Ни умывание, ни вода с лимоном не помогали успокоиться. Лишь устав от истерики, я забылась тревожным сном, обнимая Толину подушку. Он приехал глубокой ночью. Когда я проснулась от звука поворачивающегося в замке ключа, «Самсунг» показал два тридцать семь. Моей первой мыслью было встать и устроить допрос, но я сдержалась. Я не имела опыта в подобных вещах, не владела гайдом «Как вести себя, если твой мужчина пришел домой поздно, но не с работы».

Толя зашел в спальню спустя примерно десять минут. Он не разогревал еду, значит, не был голоден. Не принимал душ, значит... Мне не хотелось допускать даже мысли о том, что именно это могло значить.

Почувствовав, как тяжелеет другая сторона кровати, я притворилась спящей. Толя обнял меня как ни в чем не бывало. Словно не было его грубости, словно он не игнорировал меня весь вечер, а я не выплакала море слез. Это объятие, указывающее на близость тел и душ, заявляющее право собственности, внезапно показалось мне фальшивым и чужеродным. Пообещав себе подумать обо всем завтра, я начала пересчитывать воображаемых овец и не заметила, как уснула.

* * *

Утро выходного дня началось со звонка моего без пяти минут свекра – Павла Петровича, которого я мысленно называла Пепе. Нас пригласили на семейный обед. Удачливый в рыбалке Пепе принес свежую добычу, а значит, нам предстояло насладиться как минимум бесподобной ухой. Мама Толи, Тамара Константиновна, великолепно готовила. Я жмурилась от гастрономического восторга, жуя ее фирменные рубленые котлеты и пирожки с брусникой. В моей же семье еда была обычной, без изысков. Главной целью домашних блюд всегда считались восполнение энергетического ресурса и сытость, но не удовольствие.

Начав жить с Толей, я сразу же принялась развивать кулинарный навык. Наверное, боги всего съедобного были ко мне благосклонны, потому что обучалась я быстро, и Толе не приходилось тайком бегать на обеды к родителям, чтобы не умереть голодной смертью.

* * *

Я потянулась в кровати. Закончив разговор, Толя продолжил играть в свою дурацкую игру на телефоне. Я лежала. Никто из нас не пытался инициировать диалог. Когда про-

тивное пикиканье айфона разозлило меня окончательно, я не выдержала.

– Выключи!

Толя усмехнулся, но убрал телефон на прикроватную тумбочку.

– Ладно.

Я фыркнула и скрестила руки на груди. Воспользовавшись этим, Толя положил голову мне на плечо и сказал театрально, почти нараспев:

– О, светлейшая, о, прекраснейшая госпожа! Клянусь, что не потратил ни рубля на вино и женщин. – Я хохотнула, но быстро одернула себя и продолжила держать оборону. – Маш, ну правда. – Толя поднял голову и серьезно посмотрел на меня. – Я исколесил весь город, выпил два чайника чая в «Кокосе» и поехал домой.

– Тебя не было весь вечер и половину ночи. За это время ты бы пересек Н-ск раз двести.

– Именно это я и сделал – проехал тысячу миль, а потом тысячу лет проторчал в «Кокосе». Не веришь – позвони Виталику, он вчера работал на баре.

Предложение обратиться за доказательствами к бармену не годилось для железного алиби, но немного снизило градус моей тревоги. Да и Толя держался уверенно: не плавал в показаниях, шутил. Я глубоко вздохнула, прикрывая веки.

– Не делай так больше, пожалуйста. Я волновалась.

Толя взял мою руку и принялся нажимать на подушечки

пальцев, как на клавиши.

– Не буду. Тогда ты не выдумывай себе глупых увлечений.

Огонек спокойствия, медленно разгорающийся в моей душе, мгновенно погас. Два чайника чая в «Кокосе» и длительная поездка за рулем не помогли Толе изменить своего решения. Мое мнение снова не учли. Я промолчала, ожидая продолжения, и Толя продолжил.

– Маш, в конце концов, ты хоть представляешь, как нелепо будешь смотреться на этой железной палке? – Он рассмеялся так, словно пошутил свою самую лучшую шутку. Вряд ли ему хотелось указать на несовершенства моей фигуры, он ни разу этого не делал. Скорее это была манипуляция, отсекающая меня от мечты. К сожалению, в ней прослеживалась логика – я и сама круто сомневалась в том, что пилон прощает лишний вес, что бы ни говорила Алена.

– Тоже верно.

Я старательно захихикала, позволяя Толе почувствовать вкус победы, но твердо пообещала себе однажды попробовать и проверить, насколько он был прав.

К назначенному времени мы добрались до квартиры старших Смирнягиных. Тамара Константиновна обрадовалась мне так, словно я была ее давно пропавшей и вдруг чудом нашедшейся дочерью.

– Машенька, наконец-то! Мы так соскучились.

Я аккуратно запихала пуховик в шкаф и крепко обняла радушную хозяйшку.

– И я очень соскучилась.

От нее пахло свежей выпечкой и едва уловимо – «Мадемуазель Шанель». В свои пятьдесят три года Тамара Константиновна была ухоженной цветущей домохозяйкой. С работы она ушла, как только забеременела Толей, – таким было решение Пепе. Он достойно зарабатывал и обеспечивал семью всем необходимым. Тамара Константиновна как-то поделилась со мной, что в первые годы домоседства почти с ума сошла в бесконечной бытовой рутине, но потом привыкла.

Отряхнув невидимую пыль со своей одежды, я вежливо спросила:

– Помочь вам накрыть?

Она взяла меня под руку и заговорщицки улыбнулась.

– Пойдем на кухню, посекретничаем.

Мужчины скрылись в гостиной. Пепе наверняка хвастался очередным солидным уловом, а Толя, как всегда, внимательно его слушал.

Круглый обеденный стол укрывала хрустящая белоснежная скатерть. Приборы, тарелки и салфетки идеально сочетались по цветовой гамме и находились на одинаковом расстоянии друг от друга. Я не наигранно охнула.

– Что ж, я вижу, вы и сами блестяще справились: все выглядит безупречно, как в хорошем ресторане.

Лицо Тамары Константиновны засияло тихой гордостью. – Спасибо, моя милая. Ваши визиты для нас – всегда праздник. Кстати, что вчера стряслось? Не припомню, что-

бы мне писали или звонили среди ночи, потому я никогда не выключаю звук.

Несмотря на чувство такта и воспитанность, Тамара Константиновна не упустила возможности поддеть меня. Я же сделала вид, что у нее это получилось.

– Так вот почему вы так быстро ответили. Прошу меня извинить – я просто жутко волновалась. Мы вчера немного поссорились, Толя уехал и не отвечал на звонки.

Потенциальная «вторая мама» недобро прищурилась.

– И? Ты будешь бить тревогу каждый раз, стоит ему за порог уйти? Детка, если со взрослым мужчиной что-то случится, тебе позвонят. В худшем случае – люди в форме.

Я растерялась. Всегда милая и приветливая женщина превратилась в хищную птицу, отчаянно защищающую своего птенца.

– Но-о... Просто у нас такого никогда не случилось, и я не знала, как себя вести.

Потенциальная свекровь хмыкнула и принялась разглаживать и без того идеально гладкую салфетку.

– Все когда-то случается впервые. Видишь ли, милая, так устроен мир – мужчины здесь главные. Наша задача – быть красивыми, воспитывать детей, поддерживать уют и никогда не спорить. Если мой сын посчитал нужным не брать трубку, когда ты трезвонила, значит, это было единственным верным решением.

Я не верила своим ушам. Стоило отклониться от курса,

проложенного этим семейством, как в меня тут же полетели камни. Сначала от Толи, теперь от его матери. Оставалось пойти и сдаться Павлу Петровичу, чтобы приговор мне был вынесен всеми Смирнягиными единогласно. Я попробовала изобразить подобие улыбки, но получилась ухмылка – явно кривая и ехидная.

– Наверное, вы правы.

– Разумеется, я права. – Тамара Константиновна удовлетворенно кивнула.

Беседа не клеилась, и мы пригласили к столу мужчин. Время тянулось, как расплавившаяся на солнце жвачка. Бесконечные истории Толиных родителей, уха, второе, десерт, «компот». Впервые, сидя за столом в этой квартире, я почувствовала себя чужой. В код моей жизни как будто закрались критические ошибки, отчего сюжет начал безнадежно и неконтролируемо «лагать».

– Ну поехали?

Я вынырнула из толщи тяжелых мыслей и на поверхности реальности столкнулась с Толей.

– А? Да-да, конечно.

Взгляд Тамары Константиновны был торжествующим. Наверняка она решила, что моя молчаливая задумчивость – плоды ее поучительных внушений. По сути, так оно и было: меня действительно шокировали наставления, но вряд ли именно так, как ей хотелось.

Когда мы с Толей вышли из подъезда, на улице стемне-

ло. С неба медленно сыпался пушистый снег, похожий на белые перышки. Я представила, как кто-то невидимый и волшебный взбивал над нашим городом подушку, чтобы лучше спать ночью, и улыбнулась.

– Блин, опять не завелась!

Толя в очередной раз ругался на плохо работающий автозапуск.

– Маш, садись, заводи машину, а я пока снег отряхну – целая тонна уже напала.

Я деловито заняла водительское сиденье, придавила педаль тормоза и нажала на кнопку пуска двигателя. В принципе, на этом мои способности в отношении автомобиля заканчивались. У меня не было водительского удостоверения. Сначала мама и бабушка выступали резко против, а после двадцати трех лет я и сама начала здорово трусить. До отношений с Толей спокойно передвигалась на общественном транспорте в компании наушников. Когда живешь в маленьком городе, маршрутка или автобус не вызывают ужаса и отторжения. Даже наоборот – все кажется каким-то киношным и романтичным.

Уже собираясь выходить, чтобы перебраться на привычное пассажирское место, я зацепилась взглядом за приборную панель, пестрящую разнообразием полезной информации. В день рождения Никитина «Форд» тоже отмечал своеобразный юбилей – шесть «двоек» пробега. О чем мне, разумеется, не мог не сообщить Толя – это было что-то очень

важное на языке автовладельцев. Я прикинула в голове все поездки за последние пару дней и сделала неутешительный вывод: Толя не пересекал Н-ск двести раз из-за нашей ссоры. Новые цифры, мало отличающиеся от юбилейных, служили тому доказательством. На протяжении почти семи часов Смирнягин был где-то, но не в машине и наверняка не в «Кокосе». Более того, вряд ли он был один.

В глазах потемнело, а воздух из легких словно выкачали. Я не могла вдохнуть и в то же время чувствовала, как бешено, почти вырываясь наружу, стучало мое сердце. Если бы я увидела другого человека в таком состоянии, то непременно посоветовала бы ему успокоиться. Себе я не могла посоветовать ровным счетом ничего. Собрав всю волю в кулак, я заставила себя сделать глубокий вдох и вцепилась руками в руль – он был единственной подходящей опорой. Постепенно картинка сложилась обратно: вечер, падающий снег, краснощекий от мороза Толя, размахивающий автомобильной щеткой в свете фонарей. На ватных негнущихся ногах я вышла и побрела в сторону передней пассажирской двери.

– Почти все, незамерзайки еще плеснул. Ты чего, Маш? Плохо? – Взгляд Толи, обращенный ко мне, еле идущей, был встревоженным.

Я разозлилась. Этот наглый лжец и непревзойденный манипулятор всерьез беспокоился или успешно прикидывался?

– Просто устала и хочу домой.

Толя открыл передо мной дверь, усадил в машину и пристегнул ремень безопасности.

– Сейчас-сейчас, принцесса. Как только доберемся, сделаю горячий чай с малиной. Кажется, ты болеешь.

Мне же хотелось смеяться и плакать одновременно. Если я и заболела, то только психически. Всего за три дня моя жизнь резко перевернулась с ног на голову, бесстыдно обнажив скрытые детали. Перебрав в голове все возможные варианты, я выбрала самый простой – промолчать. Поэтому следующая неделя прошла спокойно. Толя, как обычно, возил меня на работу, забирал домой, по вечерам мы вместе готовили и много говорили. Только вот боль, поселившаяся во мне, не была смиренной. Теперь я знала, что он не честен со мной. Убедилась, что он мастерски управляет моим сознанием и решениями... но все равно продолжала любить. Или думать, что это любовь.

В пятницу мне пришло сообщение, от которого я едва не рухнула в обморок прямо на рабочий стол: *«Привет, на связи „Поллукс“! Для вас сюрприз – подарочный абонемент на 4 занятия. Он уже ждет вас в студии».*

Ниже был указан адрес, по которому следовало явиться за подарком, и часы работы. Я набрала в кулере стакан ледяной воды и выпила его почти залпом. Некоторые вещи были совершенно очевидными. Первое – это дело рук Алены. Второе – это плохо закончится. И третье – я все равно туда пойду.

Припрятанный козырь в виде недоказанной, но существующей Толиной лжи давал мне небольшую фору – окажись я загнанной в угол, смогла бы отбиваться тяжелыми аргументами. От одной только мысли о рискованности и глупости этого плана у меня похолодели руки и задрожала нижняя губа. Означало ли это, что я от него откажусь? Нет, ни за что. Мне вдруг показалось, что приторно-вежливая эсэмэс от администратора «Поллукса» – не что иное, как знак, предвестник перемен. Я всегда была романтической натурой, верила в судьбу, высшие силы и Деда Мороза на упряжке летающих оленей, поэтому с радостью, присущей таким людям, ухватилась за спасительную мысль, как за толстый канат. Если мне было суждено продолжать прятаться в Толиной тени, спираль событий просто не закрутилась бы. Красавица Алена должна была начисто забыть о моем существовании, а не дарить абонемент на танцы.

Окончательно убедив себя в том, что ход моих мыслей верный, в ответном сообщении «Поллуксу» я пообещала забрать абонемент в ближайшее время. Удачная возможность подвернулась на следующий день: Толю вызвали на работу в выходной. В нашей сфере подобное не было редкостью, и мы оба относились к таким ситуациям с пониманием. Уходя, Толя потрепал меня по щеке.

– Надеюсь, это ненадолго. Освобожусь – поедem куда-нибудь. Кстати, так и не купили тебе платье – подумай пока над этим вопросом. Все, помчал. Не грусти.

Я не грустила. Мне не терпелось закрыть за ним дверь и побежать собираться. Подготовка к встрече с новым и неизведанным была до жути волнительной: я несколько раз переодевалась, собирала непослушные волосы в хвост и распускала обратно. На всякий случай даже затолкала в сумку подобие спортивной формы – синие велосипедки и футболку с лисой из старого диснеевского мультфильма. Я подумала, что если уж начало везти, то непременно должно было везти до конца. Выходя из дома, я скрестила пальцы перед своим слегка испуганным отражением в зеркале.

По счастливой случайности «Поллукс» находился недалеко, минут десять ходьбы спокойным шагом. Хотя в Н-ске понятия «далеко» не существует в принципе. На улице было морозно, но невероятно солнечно – погода непрозрачно намекала, что тратила последний месяц зимы. Настроение было прекрасным: мне хотелось, как в детстве, радостно размахивать сумкой и загребать ногами рассыпчатый снег.

Меня встретила сдержанная черно-серебряная вывеска, имитирующая звездное небо. Я потянула на себя стеклянную дверь – она двигалась тяжело и неохотно. В просторном холле пахло свежесваренным кофе и царила абсолютная, неожиданная для танцевальной студии, тишина.

– Вы к кому? – Откуда-то из-за стойки ресепшен выбежала худощавая миниатюрная шатенка и смерила меня подозрительным взглядом. «Ангелина, администратор» – прочитала я на железном бейдже, выполненном в фирменных чер-

но-серебряных цветах.

– Это прозвучит глупо, но я не знаю. Мне подарили абонемент, и я пришла.

Взгляд администратора-буки мгновенно смягчился.

– Вы, наверное, Мария? Коллега предупреждала о вашем визите. Пожалуйста, проходите. – Я не смогла сдерживать улыбки. Если Ангелина встречала таким странным образом всех проходящих, то у меня были для нее плохие новости: администратор из нее был примерно как из меня экзотница. Пока я стаскивала куртку и шапку, администратор суетилась за стойкой, шелестя бумажками и папками. – Вот, пожалуйста, подарочный абонемент на четыре занятия в нашей студии. – Она почти торжественно вручила мне кусок черной глянцевой картонки. Я повертела карточку в руках.

– Могу я узнать, кто даритель?

Ангелина почему-то рассмеялась.

– Ваша подруга – Алена Морозова.

После этих слов смеяться захотелось уже мне – случайным образом в моей жизни появилась подруга. Я бы с удовольствием уточнила у нее мотивы подобного широкого жеста, но у меня не было ни номера телефона, ни адреса. Ирония судьбы, не иначе.

Ангелина нетерпеливо постукивала наманикюренными пальчиками по столу, словно из-за моего присутствия она отвлекалась от дел чрезвычайной важности. Я вспомнила о футболке и велосипедках, томящихся в сумке в ожидании

«всякого случая», и спросила:

– А я могу посетить какое-нибудь занятие сегодня, сейчас?

У Ангелины приключился новый приступ смеха. Будь я воспитана чуть хуже, устроила бы разборки явно малолетней дурочке.

– Можете. Через двадцать минут как раз тренировка у начинающих в группе Сони Котовой. Пойдете? – Я утвердительно кивнула. Ангелина ловко выхватила из моих рук абонемент, который я продолжала держать перед собой, и зачеркнула на обратной стороне одно белое окошко из четырех. – Видите дверь? Это раздевалка, можете проходить.

Я поджала губы, чтобы случайно не выпалить какую-нибудь грубость. Понимание слова «сервис» чаще всего приходит после столкновения с его отсутствием. Если бы Ангелина попалась Пекинессе Ававовне, та испепелила бы ее на месте: наша кадровик ненавидела всех, чье поведение нарушало нормы профессиональной этики.

В раздевалке было тесно и пахло потом, замаскированным цветочными духами. Вдоль стен выстроились шкафчики для одежды, посередине стояла длинная лавка, а в дальнем углу висело слегка мутноватое зеркало в полный рост.

Наверное, раздевалка и не должна вызывать восторга, но я немного расстроилась. Если представить там толпу одновременно переодевающихся, можно ощутить острую нехватку воздуха. Слово в подтверждение моих мыслей дверь рас-

пахнулась, впуская кучку девчонок, едва попрощавшихся с пубертатным периодом. Каждой на вид было не больше семнадцати. Они перебрасывались шутками и смеялись, полностью игнорируя присутствие незнакомого человека.

Стараясь не привлекать внимания, я быстро переоделась и вышла. Ангелина, к моему великому сожалению, по-прежнему дежурила за стойкой. Она окинула меня взглядом, не выражающим, как мне показалось, ничего хорошего, и выгнала дежурной фразой:

– Зал находится прямо, туалетная комната – направо.

Я снова проигнорировала нахалку и отправилась на самостоятельную экскурсию. Танцевальный зал встретил мягким неоновым светом, еле слышной музыкой и восемью гладкими блестящими пилонами. От увиденного сердце заколотилось. Не веря в происходящее, я крепко зажмурилась. Кто бы мог подумать, что я, вчерашняя скромница, возьму и замахнусь на такие танцы? Мне было страшно возвращаться из темноты. Что, если на самом деле я просто крепко спала, и не было никакой студии «Поллукс», никаких пилонов, и даже бестолковой Ангелины?

Раздалось деликатное покашливание. Я распахнула глаза и увидела перед собой привлекательную блондинку в коротком черном топе и крошечных черных шортиках, откровенно подчеркивающих упругое тело.

– Ой, здрасьте.

Мне тут же захотелось треснуть себя по лбу за идиотское

приветствие, которое вовсе не было для меня нормой. В минуты растерянности мой мозг часто допускал критические ошибки. Взгляд девушки был заинтересованным, даже испытующим, но лишенным насмешки.

– Привет. Новенькая?

Я окончательно стушеввалась и попыталась по привычке сжаться в комок.

– Я... Да. Я Мария. То есть просто Маша.

– Выпрями спину, просто Маша. Ты пришла на танцы.

Несмотря на строгий учительский тон, блондинка показала мне необычайно приятной.

– Вы Софья?

Она улыбнулась так, что от уголков ее глаз тут же разбежались в стороны тоненькие лучики морщин.

– Можно просто Соня. Сегодня на правах новичка выбирай любой пилон, а дальше – как договоришься с моими кошками.

– Кошками? Это потому что вы Котова? – Я могла бы промолчать и не задавать глупых вопросов, но мне почему-то очень хотелось с ней поговорить.

Соня расхохоталась. В эту же минуту в зал вбежали девчонки, которых я уже видела в раздевалке. Высокие, прекрасно сложенные, в таких же, как у Сони, топах и шортах, но других цветов. Каждая держала в руке пару немислимых туфель – в таких выступала на вечеринке Алена. Я не могла пройти ста метров в классических лодочках, а здесь к высо-

ченным каблучкам прилагалась еще и платформа.

– Девочки, знакомьтесь, это Маша, она новенькая. Вы танцуете уже три месяца, а она ни разу. Прошу всех отнестись с пониманием и вести себя достойно.

Я почувствовала себя жирным пятном масляного крема на белой выходной рубашке. Нафталиновой мантией с рюшами, подаренной на Рождество бедолаге Рону Уизли. Рифмой, случайно затесавшейся в хокку. Настолько нелепым и неуместным мне казалось мое присутствие среди юных танцовщиц, которых, ко всему прочему, тренеру приходилось воспитывать.

Соня встала к центральному пилону в первом ряду, ближе к зеркалам. Я заняла тот, что был справа от нее, и пожелала себе удачи. Разминка перед тренировкой была настолько энергозатратной, что я успела по-настоящему устать. В школе физрук тяжело вздыхал и выводил мне четверку только для того, чтобы не портить аттестат. Я была просто чудовищно неспортивной. Пока одноклассницы резво качали пресс, подтягивались и прыгали в длину, я бегала штрафные круги по залу – это было единственное, что у меня хоть как-то получалось.

Упражнения, которые давала тренер Соня, не были сложными по определению, но только не для меня. Она выписывала круги грудью, а бедрами выводила такую восьмерку, что моя самооценка мгновенно рухнула в подвал. Я наверняка выглядела так, будто к моей спине привязали гладиль-

ную доску, которая мешала нормально двигаться. Со второго ряда доносились смешки и цоканья. Я старалась не реагировать, но ощущала противно скребущее раздражение. Рубрика «неприятный факт»: похоже, я произвела впечатление тихой, неспособной дать отпор толстушки в дурацком наряде.

– Ну как ты, боец? Жива? – Соня потрепала меня по плечу.

Я ответила бодрым голосом:

– Жива, все в порядке.

– Отлично. Тогда продолжим. Девчонки уже танцуют в стрипах, ты пока без них. На носочках умеешь стоять? – Вместо ответа я почему-то взяла и показала, что умею. Соня улыбнулась и кивнула. – Прекрасно получается. Весь танец ты будешь двигаться на высоких полупальцах – так это звучит на нашем языке. Увижу, что опустилась на полную стопу, – укушу.

Я плохо понимала, что происходило в следующие сорок минут. Громкая акцентная музыка, ритмичный стук каблучков, Соня, выкрикивающая счет и комментарии. У меня не просто не получалось повторить хоть какой-нибудь элемент – я вообще дезориентировалась в пространстве. Была везде и нигде одновременно. Пыталась смотреть прямо на Соню, на ее отражение в зеркале, судорожно хваталась руками за успевший нагреться пилон. В какой-то момент, не выдержав всей этой круговерти, я неуклюже свалилась, больно ударившись коленками об пол. Сзади раздался залиvistый смех –

кого-то из заносчивых малолетних куколок здорово развеселило мое фиаско. Соня не успела отреагировать первой. Я вскочила на ноги, развернулась и произнесла чужим, но при этом абсолютно спокойным голосом:

– Заткнись.

В зале осталась только музыка. Все остальные звуки исчезли, будто их выключили коротким нажатием на кнопку mute. Соня усмехнулась, возвращая привычный ход времени, которое зависло от моей выходки.

– Лисичка-то с зубами оказалась. Маш, кстати, какая у тебя фамилия?

Я нахмурилась, пытаюсь догадаться, к чему она клонит.

– Степанова.

– Лисицына тебе бы подошло больше. Нет, ну ты подумай, какой звучный псевдоним – Маша Лисицына. – Соня цокнула, явно довольная своей идеей.

Я лишь сдержанно кивнула, но мысль тут же провалилась в голову, будто ей уже было суждено оказаться найденной, как сторублевой купюре в кармане зимней куртки.

Остаток занятия прошел спокойно. У меня по-прежнему ничего не получалось, но смеяться уже никто не осмеливался. Я впервые дала отпор совершенно незнакомому человеку. Это ощущение было непривычным, вызывающим в животе легкую приятную щекотку. В раздевалку я возвращалась на негнущихся ногах, но донельзя счастливая. Несмотря на то что я не получила положительного результата за этот

час, все равно испытывала ни с чем не сравнимое удовольствие, и мне хотелось еще. Толя однажды рассказал, как в четырнадцать лет попробовал курить. Горький вкус крепкого табака был на редкость пакостным, но сам процесс понравился сразу же. Таким нехитрым образом дружба с сигаретами затянулась на долгие десять лет, и избавляться от пагубной привычки было непросто. Эта странная аналогия пришла мне в голову первой. Я почувствовала, что открыта к танцевальной зависимости вопреки всему. Даже если бы меня нарекли самой бездарной ученицей на свете, подходящей лишь для того, чтобы развлекать своими неудачами способных одноклассниц.

Добравшись до шкафчика, я сразу же проверила мобильный. Пропущенных звонков и сообщений от Толи не было. Это успокаивало и вселяло надежду, что мой побег останется незамеченным.

– Извините.

Я обернулась на голос. Прямо за мной стояла та, которую рассмешило мое падение. Она смотрела на меня сверху вниз взглядом, в котором читалось что угодно, кроме чувства вины. Например, высокомерие.

– Что?

Прикинуться душой в данном случае означало разозлить собеседницу еще сильнее.

– Извините, что смеялась над вами!

Девчонка густо покраснела и нервно переступила с ноги

на ногу. Как бы она ни старалась, на муки совести эта жалкая сцена не походила. Наверняка извиниться ее заставила Соня.

– Ничего, бывает. – Я ответила сухо и незаинтересованно, что полностью устроило малолетнюю нахалку – она мгновенно испарилась.

Раздевалка постепенно опустела. Я привела себя в порядок и засобиралась домой. В холле тоже было тихо – даже Ангелина куда-то запропастилась, беспечно покинув пост. Вариантов, где могли прятаться люди в «Поллуксе», было не так уж много: раздевалка, танцевальный зал, туалетная комната и еще одно помещение за дверью, о котором мне не рассказали. Наверное, там было что-то вроде школьной учительской – места для отдыха, кофе и обсуждения учеников. Мне слишком сильно хотелось поблагодарить Соню, поэтому я уверенно шагнула к «тайной комнате» и уже почти занесла руку, чтобы постучаться, но услышанное заставило меня замереть на месте.

– Она такая же, как все. Как я восемь лет назад, как ты, как Роза. Вы занимаетесь ерундой, и я в этом участвовать не буду!

Соня почти кричала на невидимого собеседника. Я отпрянула. Что-то будто кольнуло меня в солнечное сплетение, подсказывая, что речь могла идти обо мне, но я тут же отмела эту подсказку. В конце концов, мир не вертелся вокруг одной меня, и Соня могла говорить с кем угодно и о ком угодно. Мне оставалось только уйти, оставив при себе

невыраженную благодарность. Слушать дальше не хотелось – это занятие довольно унижительное. Я и так перешла немало границ за один день: отправилась на танцы, забракованные любимым мужчиной, заткнула одноклассницу. Оставалось только угодить в скандал из-за подслушивания. Bravo, Степанова! Мама и бабушка тобой гордились бы.

Толя вернулся домой через час после того, как туда зашла я. Мне удалось спокойно ликвидировать все улики: принять душ, постирать вещи и удачно перемешать их на сушилке со всеми остальными. Эйфория, охватившая меня в студии, постепенно испарялась, уступая место болезненному чувству стыда. Толя принес свежие булочки к чаю и даже мой любимый ананас. Пока он по-хозяйски суетился, нарезаю экзотический фрукт на кольца и разливая ароматный цейлонский по чашкам, я сидела и хотела провалиться вместе со стулом сквозь землю. Да, я могла бы во всем сознаться, обеспечив нашему конфликту новый виток. Могла бы пойти в контрнаступление со своим «почти знанием» о том самом дне, когда Толя пропал на целых семь часов. Я могла бы просто поженски разрыдаться, в конце концов. Но я снова молчала. Это молчание было убийственным и спасительным одновременно.

– Чем занималась?

Я дернулась, чуть не опрокинув на себя чашку с горячим чаем.

– Ничего примечательного, кот. Посмотрела фильм, по-

стирала вещи.

В моей голове горела воображаемая неоновая надпись: *«Внимание-внимание, смертельный номер! Мария Степанова, на дух не переносящая ложь, врет и не краснеет!»* Хотя, вероятнее всего, я краснела. Мне не приходилось раньше откровенно лгать, поэтому телесные реакции могли бы выдать меня с потрохами любому разбирающемуся в этом человеку. Толя таким человеком, видимо, не был и даже не спросил, какой фильм я смотрела, зато охотно рассказывал о своих делах.

– ...у нас там такой балаган творится – жуть. Скоро в Тюмень полечу, дней на пять-семь. В командировку.

Я окончательно сникла. Судьба продолжала испытывать меня на прочность – изощренно и практически без остановки. Стоило мне подумать о том, что я поступаю неправильно по отношению к человеку, с которым живу под одной крышей, как мне тут же подкинули возможность откусить от запретного плода еще несколько раз. На абонементе оставалось три занятия – это целых три часа музыки, танцев и невероятной атмосферы. Я точно знала, что стоит Толе покинуть Н-ск, я тут же побегу в «Поллукс», плавая снег под ногами. Мне хотелось во что бы то ни стало совладать с пилоном и танцевать, танцевать, танцевать. Нежно, чувственно и проникновенно.

– Маша! Да что с тобой в последнее время? Ты вообще меня слушаешь?

Толя стоял почти вплотную ко мне, размахивая ладонью перед лицом.

– Слушаю. Тюмень, командировка, балаган.

– У тебя совершенно отсутствующий вид. Может, пора провериться на дефициты?

Толя сел передо мной на корточки и накрыл мои руки своими ладонями. Я внимательно смотрела в любимые серые глаза, пытаюсь найти ответы на вопросы, которые так боялась задавать вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.